

А. И. Чепель

ШВЕДСКО-РУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА: ОПРАВДАНИЕ И САМООПРАВДАНИЕ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

После проведения новой шведско-русской границы (по результатам Столбовского мира) двусторонними соглашениями было установлено, что для легального перехода границы необходимо получить у властей своей страны разрешительный документ — «проезжую грамоту» и предъявить ее приграничным властям соседней страны для получения «проезжей» из их рук. При отсутствии такого документа человек, пересекавший границу, признавался нелегальным мигрантом — перебежчиком, независимо от мотивов перехода.

Тем не менее приграничные администрации по обе стороны границы зачастую пренебрегали столичными договоренностями. Они был вынуждены, с одной стороны, блюсти букву закона и пресекать нелегальные миграции, а с другой — не допускать обострения обстановки на рубеже, оказывались в определенном смысле между молотом и наковальней. В этих условиях приграничные администраторы зорко следили за просчетами своих визави по другую сторону границы, а свои промахи старались всеми силами обелить. Опасной практикой в этом аспекте были попытки оправдать «своих» перебежчиков перед приграничными властями соседней страны. Такие действия постепенно формировали у порубежного населения ощущение вседозволенности, нормальности неисполнения юридических норм.

Рассмотрим на конкретных примерах подобные попытки и попытаемся определить их мотивы, а также проследим, какое влияние оказывало такое поведение властей на приграничную обстановку.

В 1619 г. на границе был задержан крестьянин, который русскую «заставу уchal было обходить лесом». Расследование показало, что он — царский подданный, крестьянин Савка, который был завербован шведами, когда ходил к брату Поташке в шведские владения, в Ивангород, «пови-

датца». Зарубежный родственник исправно служил шведской администрации: «И брат <...> ево про него объявил Свейскому маршалку <...>, и маршалок <...> послал его, Савку, к Москве проведать <...> вестей, и дал ему денег на дорогу полтора рубли. А проведав <...> вести, велел ему маршалок быть у себя в Ивангород». Русские власти заявили претензию по поводу вербовки царского подданного для нужд шведской приграничной администрации. В оправдание лазутчика шведские власти заявили, что посылали Савку «для вестей наших общих недругов поляков радиоючи»¹. «Маршалок», оправдывая завербованного лазутчика, ссылался на бывшее во многом последствием Смутного времени нестабильное положение в приграничье вследствие присутствия там польских отрядов, одинаково опасных для населения по обе стороны шведско-русской границы².

В 1626 г. из русских владений на шведскую территорию перебежала царская подданная, вдова Марья Миронова, и вышла там замуж за подданного шведского короля. Причина ухода за рубеж банальна: вдова осталась без средств к существованию. После смерти мужа зять и сыновья согнали ее со двора. Русский воевода боярин Иван Одоевский стал требовать ее назад, как нелегально пересекшую границу, как перебежчицу. Шведский комендант («державец») Нильс Ансон ответил следующее. Вдова эта «родилась на нашего короля стороне», а потому и пришла она к своему племени, с ними повидаться, и у них кое-чего прощать, чем бы ей прокормится». Оказалось, что эти ее родственники теперь живут в шведских владениях, и вдова вынужденно попала в разряд перебежчиков. Заграничные родственники «учали думать, чем ей какую помогу учинить», и в конце концов «выдали ее замуж и учинили свадьбу, и поп русский именем Кондратий венчал их. И то те крестьяне учинили по христианскому обычаю. Да и подобает на обе стороны христианам такую любовь и законное дело чинить», — уверял русского воеводу шведский комендант. Далее шведский «державец», отвечая на требование воеводы вернуть перебежчицу, продолжал: «И мне то в подивленье, что ты о том ко мне пишешь, что то учинилось против мирного договора. Мне видится, что сделалось это к покреплению, и к любви, и к совету». И дальше комендант выговаривает воеводе, словно поучая его: «Может то быть, что ты преж сего про то не слыхал и о том деле не ведаешь, что порубежные мужики», приходившие с царской стороны, «женивались у нас <...> на вдовах и на девках, на поповских дочерях и на иных простых людей дочерях и отвозили с собою за рубеж по соседственной любви». «Державец» даже грозил воеводе: «И будет тебе такое законное дело недобро повидитца и соседственна приятельства не залюбишь, и вперед такого не хочешь терпеть, и я с своей стороны так же такого любви и приятельства против

того не стану учиняти. И везде закажу, чтоб никто» со шведской стороны не осмелился «после сего дни давать дочь свою или вдову замуж *«...»* как прежде сего бывало», на царскую сторону. Комендант уверял воеводу, что не подобает новобрачную «назад просить и с мужем разлучить и законный брак рознити», и требовал: «А если ты однолично хочешь ее с мужем разлучить и хочешь, чтоб я тебе ее прислал, и мое к тебе соседственное прошение, чтоб ты всех тех вдов и девок, которые во многие лета прежде сего законным делом к вам за рубеж перешли, к нам назад *«...»* безо всякого отговору отдал»³.

В этом послании шведский комендант поднимает важные проблемы, сильно осложнявшие положение в приграничье. Шведы систематически упрекали русских в том, что те удерживают на своей стороне перебежчиков посредством крещения в православную веру. За крещением нередко следовал семейный союз с царской подданной⁴. В рассмотренном эпизоде комендант явно стремился попенять воеводе на такую практику, при этом признавая зеркальную ситуацию, как ни странно, вполне «законным делом». По сути, шведский «державец» признавал право приграничных жителей нелегально пересекать границу. Кроме того, комендант специально привлекал внимание воеводы к тому факту, что на шведской стороне есть возможность свободно отправлять религиозные обряды по православным обычаям, стараясь выбить у русской стороны их идеологическое оружие — обвинение в ущемлении православной веры на шведской территории. Как ни старался «державец», царский указ воеводе Одоевскому расставил всё на свои места. Он гласил: «Напиши державцу, чтоб он беглую крестьянку *«...»* прислал к нам, потому что та жёнка *«...»* сбежала с нашей стороны». А шведский крестьянин пусть не рассчитывает на счастливую семейную жизнь: он «женился на ней, ведая, что она беглая»⁵. Таким образом, в этом случае дело было разрешено точно по букве закона.

В 1653 г. посадские торговые люди из Пскова отправились на ярмарку в принадлежавший Швеции Юрьев-Ливонский «со всякими неявленными товарами», и псковский воевода, стремясь предотвратить контрабандную торговлю, отправил за ними погоню. Преследователи контрабандистов «до рубежа не угнали», потому что ехали сухим путем, а торговцы — «водяным путем», на судах. Увлекшись погоней, преследователи вторглись на шведскую территорию — прибыли прямо на ярмарку в Юрьев-Ливонский. Русские контрабандисты стали искать заступничества у шведских властей, в чьей юрисдикции они оказались: «по члобитью русских воров, которые, ведая свою вину, что у них неявленные товары», комендант Юрьева велел вывести погонщиков с ярмарки. После этого их

«ляяли и бесчестили, и держали за приставами **«...»**, пока русские воры свои товары зарубежским латышам распродали», не позволив осмотреть и переписать контрабандные товары. Когда псковичи сбыли все товары, шведские власти Юрьева Ливонского «отпустили погонщиков с бесчестьем».

Русские власти попытались возмутиться «бесчестью» воеводских «погонщиков», оправдывая свои действия необходимостью наказать контрабандистов. Но «державец» Юрьева в ответ отправил псковскому воеводе гневное послание: «Яз с подивленьем выразумел, что ты свое простое просмотренье хотя покрасить и очищать, дерзаешь. А как тебе самому в своей мысли розсудити мочно, во что бы то поставил, только бы некоторые ее королевина величества люди здесь сделали. И приехав бы во Псков с обысканьем и пересматриваньем судов смуту б на ярманке учинили. И ты бы их однолично велел переимать и в тюрьму кинуть. А хотя и добрую причину имел, и по прямому можно было мне дополна над твоими обоими посланными, которые здесь обыскыванием судов насилиство и на ярмарке меж людьми смуту учинили, как есть миропреступникам наказанье учинить. Однако яз того не учинил, а положил то на их простоту и недоразуменье, для добрые соседственные дружбы им первое время наказанье не учинил, и так пропустил. А ныне по твоему писанию супротивно чаяния, я выразумел, что ты сам им приказал в королевской земле насилиство учинить, и проезжих русских людей как есть в руской земле обыскивать велел. И потому мы твою проделку и просторожку ноипаче видим». Комендант негодовал, что псковский воевода требовал наказать тех шведских проданных, которые арестовали погонщиков, «будто его посланные в том неподобном деле великое право имеют, и по делу то учинили». Комендант продолжал: «И королева о том твоем невежливом зачинанье к царю отписать велит. И тогда тебе тяжело будет в том деле отвечать, потому что в том меж подданными не только что великое смятенье чинилася было, но и учиненному мирному договору **«...»** великая досада и обида учинилась. И я тебе по сем еще соседственно воспоминаю, чтобы тебе вперед от того остерегатца и людям своим так делать не приказывать, но людям своим за то наказанье учинить, и сие свое неподобное дело и неостереганье тем спрavitъ»⁶.

Таким образом, «державец» вполне правомочно и справедливо, согласно международным соглашениям, обвиняет воеводу во вмешательстве в шведские внутренние дела, напоминая, что такая «полицейская операция» в зоне юрисдикции соседнего государства превращает русских «погонщиков» в угрозу мирному договору — в «миропреступников». Видим, что в этом случае попытки псковского воеводы оправдать

отправленных им «погонщиков», нелегально пересекших границу, благими намерениями — необходимостью во что бы то ни стало поймать контрабандистов обострило обстановку в приграничье вплоть до того, что шведский комендант увидел в этих действиях угрозу мирному договору, сохранить который стремились и Москва, и Стокгольм.

Вскоре после Русско-шведской войны 1656–1658 гг. шведский подданный, крестьянин Фёдор Андреев, без проезжей грамоты пришел на русскую территорию, был задержан как перебежчик и выдан шведам. Несмотря на явное нарушение правил пересечения границы, здесь опять именно намерения послужили оправданием перебежчика в глазах шведской приграничной администрации. Оказалось, что крестьянин этот «был без проезжей и хотел своих детей навестить». Во время минувшей войны он и вся его семья были пленены и вывезены со шведской территории в Россию. Когда настало мирное время, «отец помянутой Федор попомнил свою присягу его королевскому величеству и короне Свейской <...>, он один с женою своею на свое старое житье пришел». Сыновья его, вопреки условиям договора, не были своевременно отправлены обратно в Швецию, что и вынудило Фёдора, по словам шведского коменданта, отправиться повидаться с сыновьями. Это намерение и позволило шведскому коменданту оправдать крестьянина: «Только ходил он не как перебещик»⁷.

С правовой точки зрения цель Фёдора Андреева не могла служить оправданием его нелегальных переходов как из русского плена домой, в шведские владения, так и к детям, в русские земли: и Валиесарское перемирие 1658 г., и Кардисский мир 1661 г. подразумевали определенную процедуру возвращения пленников — «выдачу», а не переход через границу без уведомления властей. Поэтому и в этом случае мнение шведского коменданта, высказанное в официальной переписке с русскими приграничными властями, размывало в умах порубежных жителей понятие границы. Отметим, что в рассмотренном эпизоде «державец» не случайно с гордостью отмечал верность присяге. Шведские власти в борьбе за население искали опору в священности присяге королю, именно потому, что нарушение присяги со стороны царских подданных, ставших после Столбовского мира шведскими подданными, не было редкостью.

Об особенностях миграций через границу тех, кто стремился уклониться от воинской службы, характеризует завязавшаяся в начале 1660-х гг. между шведскими и русскими пограничными властями переписка по поводу беглых солдат. Не посчитав нужным уведомить шведские власти, русский воевода отправил в шведское приграничье вооруженный отряд для поимки дезертиров, которые «сбежали и в порубежной деревне

укрываюся жили». В результате «царских подданных в государя великого короля в порубежной деревне беглых солдат» захватили и пытались вывезти в русские пределы. Шведский генерал, прознавший про эту операцию, которую можно характеризовать как вооружённый налет на земли соседней державы, отчитал своего русского коллегу: «По нашим рубежам русские беглые солдаты с стороны на сторону перебегают и держатца и всякое воровство чинят и тебе бы с русской земли надзирать (...) а не насилиством ночью на наш рубеж приезжать и в королевских деревнях ворота и двери ломать»⁸. Шведский генерал указывал на неспособность русских пограничных властей задерживать беглых солдат до пересечения ими границы. С другой стороны, в его словах содержится и информация, повествующая также о неспособности (или нежелании) шведских приграничных властей прекратить миграции дезертиrov: «с стороны на сторону перебегают». При этом комендант указывал на то обстоятельство, что русские «погонщики» целенаправленно ищут беглецов в деревнях, подвластных шведскому королю, то есть обвиняет русскую сторону в умышленном, а не случайном пересечении границы.

В заключение отметим, что, каковы бы ни были мотивы, приводившиеся шведскими и русскими приграничными властями в целях оправдания перебежчиков, сама по себе практика обосновать правомочность нелегальных переходов границы какими бы то ни было сиюминутными резонами в конечном итоге подталкивала порубежных жителей к нелегальному пересечению границы и в будущем, что дестабилизировало обстановку в порубежье.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619 г. Д. 1. Л. 32–33.

² См., например: Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 83–86.

³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 129–133.

⁴ См., например: Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сб. материалов / Сост. К. Якубов. М., 1897. Раздел. 2. № 2. С. 163.

⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 133.

⁶ Там же. 1653 г. Д. 1. Л. 62–72.

⁷ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 67–68.

⁸ Там же. Л. 125 об.–126, 144 об., 147.